

Лѣтописъ и мысли стараго педагога ¹⁾.

Въ 1877 году директоръ Нижегородской военной гимназiи П. И. Носовичъ былъ переведенъ въ 1-ю военную гимназiю въ Петербургъ.

Онъ предложилъ мнѣ перейти туда инспекторомъ. Я колебался, но въ виду нашихъ добрыхъ отношенiй, установившихся въ послѣднее время, и считая себя до нѣкоторой степени ученикомъ и послѣдователемъ П. И., я согласился и поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы высказать свое пожеланiе главному начальнику, но согласiя его не получилъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я въ скоромъ времени получу назначенiе директоромъ военной гимназiи и что на короткое время не стоитъ мнѣ перебираться въ Петербургъ.

Весною 1878 года я получилъ телеграмму главнаго начальника, что назначенъ директоромъ Симбирской военной гимназiи, и въ iюнѣ долженъ былъ отправиться къ новому мѣсту своего служенiя.

Съ глубокимъ удовольствiемъ вспоминаю свои отношенiя къ сослуживцамъ Нижегородской военной гимназiи. Совмѣстная работа въ учебномъ дѣлѣ шла ровно, безъ особыхъ конфликтовъ. Перiодическiе отчеты мои о результатахъ учебнаго дѣла, хотя и вызывали споры, но за то внесли освѣжающую струю въ традиционныя приемы нашего, повидимому, скромнаго, но по существу важнаго дѣла.

Мы нерѣдко собирались съ семьями, жили дружно, были въ курсѣ общественныхъ интересовъ и принимали въ нихъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

участіе. Во время Турецкой войны у насъ образовался кружокъ для оказанія помощи раненымъ воинамъ. Къ нему примкнули многіе изъ городского общества, родители воспитанниковъ и сами воспитанники. Собирались у меня въ квартирѣ, щипали корпію, дѣлали бинты, шили бѣлье и проч. Все это отправлялось на театръ военныхъ дѣйствій къ генералу Курлову, бывшему воинскому начальнику въ Нижнемъ Новгородѣ. Посѣщали лазареты, гдѣ лежали наши раненные солдаты и плѣнные турки. Я со своими сослуживцами устраивали публичныя лекціи въ пользу семействъ убитыхъ. Принимали участіе въ образовавшемся тогда обществѣ распространенія народнаго образованія, въ Комитетѣ Грамотности. Все это сближало насъ между собой, съ родителями воспитанниковъ не только въ частной жизни, но и въ нашей педагогической работѣ. Между служащими въ Нижегородской гимназій были выдающіеся педагоги.

Привожу здѣсь въ подлинникѣ воспоминанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ одного изъ бывшихъ учениковъ того времени, нынѣ генерала С. А. Зубова:

„Помощникомъ инспектора классовъ былъ подполковникъ М. Е. Дерюгинъ (впослѣдствіи директоръ Оренбургскаго, а затѣмъ Одесскаго кадетскаго корпуса). Онъ же преподавалъ частью математику и особенно физику. Это была весьма интересная личность, своею проницательностью имѣвшая большое вліяніе на учениковъ. М. Е. любилъ показывать это иногда. Бывало, подойдетъ къ кому-либо изъ насъ и испытующе уставится на того своими голубыми, проникающими какъ бы въ душу глазами и, не чувствуя за собой рѣшительно ничего, все же какъ-то смущаешься и не знаешь, что сказать или сдѣлать. Замѣчательно умѣлъ М. Е. просто какъ по ясновидѣнію ловить учениковъ, которые на письменныхъ работахъ прибѣгали къ такъ называемымъ шпаргалкамъ или просто къ книгамъ. Одинъ фактъ донынѣ, какъ живой, стоитъ передъ глазами у меня. Была письменная работа по физикѣ. Всѣ сидимъ, пишемъ. Дерюгинъ сидитъ впереди за столикомъ, внимательно повѣряя работы другого классаго отдѣленія. Вдругъ всѣ слышимъ громкую фразу: „Т., идите изъ класса, вы списываете“... Блѣдный Т. поднимается, пробуетъ оправдываться, но затѣмъ по повтореніи приказанія уходитъ. Впечатлѣніе подавляющее... Черезъ нѣсколько минутъ Дерюгинъ встаетъ и уходитъ изъ класса на добрыхъ 10—12 минутъ; но, конечно, никто даже изъ самыхъ смѣлыхъ и опытныхъ списывателей не рѣшается прибѣгнуть къ какой-либо незаконной помощи.

Законоучитель нашъ, глубокоуважаемый о. Евграфъ Евграфовичъ Мегорскій (впослѣдствіи ректоръ Новгородской семинаріи, а затѣмъ настоятель Казанскаго Собора въ Петербургѣ), пользовался общимъ уваженіемъ и любовью за свои сердечныя отношенія къ воспитанникамъ. отличное, хотя и довольно строгое преподаваніе и благоговѣйную службу въ церкви. Особенно интересной, прямо рѣдкой въ то даже время личностью по знанію и почти фанатической любви и добросовѣстности къ своему предмету, былъ преподаватель исторіи Илья Степановичъ Единевскій. Онъ умѣлъ поставить свой предметъ такъ, что исторія у насъ была на первомъ планѣ. Требования его были чрезвычайно многообразны и строги. Мы составляли разныя карты, хронологическія таблицы и т. п. Отмѣтки И. С. ставилъ очень скупо, но за то его хорошимъ балломъ гордились больше всего; объяснялъ онъ превосходно и очень интересно; репетиціи по исторіи были почти для всѣхъ просто таки страшны. Бывало, вызоветъ къ доскѣ или чаще къ нѣмой картѣ даже не плохого ученика и послѣ нѣсколькихъ не совсѣмъ удачныхъ отвѣтовъ, громко скажетъ: „сидите, мелко плаваете“ и поставитъ въ своей записной книжкѣ крупную единицу. Несмотря на это, всѣ воспитанники уважали И. С., который, будучи смертельно боленъ ракомъ, все же долго еще ходилъ, весь завязанный въ классы, а затѣмъ почти уже передъ смертью послалъ все-таки написанныя своей рукой письменныя задачи, которыя успѣлъ еще поправить и вернуть въ классы. Его личность, оригинальная и по наружности, и по суровой требовательности и нѣкоторымъ привычкамъ, навѣрно надолго сохранилась въ памяти каждаго его ученика, какъ бы съ ореоломъ фанатической, безгранично вѣрной своему дѣлу преданности.

Къ этой вѣрной характеристикѣ Единевскаго могу съ своей стороны прибавить: Единевскій въ день, назначенный для его весьма серьезной операціи, пришелъ утромъ въ классъ и обратился ко мнѣ послѣ перваго урока съ просьбой отпустить его домой, такъ какъ черезъ часъ должны явиться доктора для операціи. Черезъ часъ онъ опять явился въ классы и сказалъ, что доктора чѣмъ-то заняты и придутъ только въ 2 часа, и до этого часа Единевскій продолжалъ давать уроки. Послѣ операціи онъ уже не появился и на третій день умеръ.

Изъ другихъ преподавателей Зубовъ вспоминаетъ: учителя французскаго языка Баумана, чрезвычайно строго поддерживавшаго классную дисциплину, гроза лѣнивыхъ и шалуновъ. У него въ классѣ было слышно, какъ муха пролетитъ; учителя

нѣмецкаго языка Карла Андреевича Юргенса, у котораго бойко шла классная работа, несмотря на видимый шумъ и беспорядокъ; Эмилія Павловича Ливена, обстоятельнаго и вдумчиваго, всегда достигавшаго прекрасныхъ результатовъ, какъ воспитателя. Воспитательскій персоналъ, какъ говорить Зубовъ, былъ настроенъ въ духѣ директора и въ общемъ относился къ своимъ питомцамъ сердечно, по-отечески, хотя и не всегда по доброй волѣ.

Отношенія мои къ директору П. И. Носовичу, въ началѣ нѣсколько шероховатыя, подъ конецъ сдѣлались вполне хорошими, и мы разставшись переписывались съ нимъ до самой его смерти. Главное несогласіе между нами проявлялось иногда въ томъ, что онъ стоялъ за классицизмъ, т.-е. больше обращалъ вниманія на успѣшность въ иностранныхъ языкахъ, часто въ ущербъ другимъ предметамъ, а я былъ реалистъ, какъ по своей специальности, какъ преподаватель физики и космографіи, такъ и по складу своего характера. Въ Комитетѣ Грамотности, гдѣ П. И. былъ избранъ предсѣдателемъ, на этой почвѣ у насъ тоже были иногда столкновенія, и даже возникла полемика въ печати, но и она носила мирный характеръ.

Съ воспитанниками Нижегородской военной гимназіи отношенія мои не были близки. Носовичъ заслонялъ всѣхъ отъ дѣтей и подавлялъ всѣхъ своимъ авторитетомъ. Оставаясь за директора, когда П. И. отсутствовалъ, я, чувствуя себя калифомъ на часъ, конечно, слѣдовалъ заведеннымъ имъ порядкамъ и очень рѣдко вносилъ что-либо собственное, что вызывало всегда будированіе со стороны юношей, слѣпо вѣрившихъ въ непогрѣшимость своего любимаго директора. Только въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Нижнемъ, оставшись въ лагерьхъ за директора, я нѣсколько сблизился съ воспитанниками, устроивъ имъ дальнюю прогулку въ Оранскій монастырь и по приглашенію писателя Мельникова-Печерскаго въ его имѣніе. Къ этой прогулкѣ они были заблаговременно подготовлены мною чтеніемъ и рассказами. Какъ въ монастырѣ, такъ и у Мельникова, воспитанники были приняты очень радушно. Ихъ угощали и ухаживали за ними. У Мельникова было много въ саду грядокъ съ клубникой. Боясь, чтобы дѣти, забравшись туда, не опустошили ихъ и не помяли, я запретилъ имъ входить въ садъ, но нѣкоторыя все-таки проникли. Мельниковъ, узнавъ о моемъ распоряженіи, разсердился и самъ повелъ воспитанниковъ въ садъ, разставилъ ихъ по грядкамъ и пригласилъ ихъ, двигаясь между грядками, кушать ягоды. Прощаясь съ ними,

онъ подарилъ въ ихъ бібліотеку экземпляръ своихъ сочиненій, съ соотвѣтствующей надписью. Въ Оранскомъ монастырѣ настоятель устроилъ намъ рыбную ловлю, и воспитанники сами варили себѣ уху. Настоятель въ это время, сидя среди дѣтей, рассказывалъ имъ преданія старины объ этой мѣстности и о битвахъ на протекавшей здѣсь рѣкѣ Пьянѣ.

Думаю, что я едва-ли оставилъ по себѣ какія-либо воспоминанія среди питомцевъ Нижегородскаго корпуса; сосредоточивъ все свое вниманіе на учебномъ дѣлѣ, я мало входилъ въ ихъ жизнь внѣ класса, и очень немногіе изъ воспитанниковъ продолжали свои сношенія со мной впослѣдствіи.

Я пробылъ въ Нижнемъ всего 6 лѣтъ, и мнѣ было 39 лѣтъ, когда я былъ назначенъ въ Симбирскъ директоромъ военной гимназіи. На мою молодость для этой должности многіе смотрѣли скептически, да и самъ я принималъ ее неувѣренно и съ опасеніемъ за свою малую опытность. Сослуживцы проводили меня очень сердечно, и я никогда не забуду этихъ проводовъ и дружескихъ пожеланій, обращенныхъ ко мнѣ.

Въ концѣ іюня 1878 г. я покинулъ Нижній и на пароходѣ отправился въ Симбирскъ. Дорогой познакомился съ однимъ докторомъ, жителемъ Симбирска, который ознакомилъ меня съ составомъ и характеромъ симбирскаго общества, что было для меня не лишнее. Путешествіе по Волгѣ при установившейся хорошей погодѣ производило на меня чудное успокоительное впечатлѣніе. Живописные берега, зелень лѣсовъ, ароматный запахъ цвѣтущихъ липъ и скошенной травы, спокойное движеніе парохода—все способствовало подъему духа, въ чемъ я нуждался, отправляясь на новое уже самостоятельное дѣло.

Въ Симбирскѣ на пристани встрѣтили меня завѣдующій ховайствомъ Петровъ и секретарь Родзеіовскій. Съ послѣднимъ я былъ уже нѣсколько знакомъ, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Нижній, будучи командированъ для переговоровъ со мною, когда стало извѣстнымъ о назначеніи меня въ Симбирскъ. Они проводили меня къ строящемуся зданію военной гимназіи, гдѣ отведена была мнѣ комната. При входѣ въ вестибюль стоялъ швейцаръ, бравый сторожъ, отставной солдатъ николаевскихъ временъ. На мое привѣтствіе онъ отвѣтилъ очень отчетливо и энергично, что мнѣ понравилось по воспоминаніямъ былого, и подалъ письмо отъ моей матушки, которая благословляла меня на новое служеніе. Я счелъ это хорошимъ предзнаменованіемъ и въ теченіе своей 25-лѣтней службы въ Симбирскѣ всегда вспоминалъ и хранилъ это письмо.

Служба въ Симбирскѣ въ должности директора заключаетъ въ себѣ центръ и главнѣйшее содержаніе моей жизненной дѣятельности. Съ оставленіемъ Симбирска почти прекращается моя общественная работа не только въ сферѣ педагогической, но и въ общемъ смыслѣ ¹⁾. Поэтому въ моей лѣтописи, конечно, будетъ много интереснаго лично для меня, а не для другихъ.

Симбирская военная гимназія открыта въ 1873 году. Исторія ея возникновенія такова: существовавшія въ то время военныя гимназіи, преобразованныя изъ кадетскихъ корпусовъ, не удовлетворяли потребности въ офицерскихъ чинахъ арміи. Изъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія очень мало было желающихъ продолжать образованіе въ военныхъ училищахъ. Предстояла необходимость увеличить число военныхъ гимназій или увеличить комплектъ воспитывающихся въ существующихъ заведеніяхъ, но такъ какъ это требовало значительныхъ расходовъ, то, по мысли тогдашняго военнаго министра графа Д. А. Милютина, проектировано было открыть нѣсколько военныхъ гимназій для приходящихъ, въ которыя могли бы поступать дѣти всѣхъ сословій. 21 апрѣля 1873 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволялъ: для увеличенія числа обучающихся по курсу военныхъ гимназій, въ видахъ большаго обезпеченія комплектованія военныхъ училищъ молодыми людьми, получившими надлежащую подготовку, прибавить комплектъ существующихъ военныхъ гимназій, открывъ двѣ гимназіи для приходящихъ:—одну въ Петербургѣ, а другую, согласно ходатайства симбирскаго земскаго собранія, въ г. Симбирскѣ, каждая на 300 человекъ. Въ число учениковъ этихъ гимназій допустить къ приему на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ гимназіи гражданскаго вѣдомства, при чемъ приходящихъ учениковъ сихъ гимназій, пробывшихъ три года и отличающихся особыми успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, перечислять въ интернатъ существующихъ военныхъ гимназій на казенное содержаніе, если они по происхожденію будутъ удовлетворять установленнымъ для сего требованіямъ.

Мѣстомъ для вновь проектируемой гимназіи былъ избранъ г. Симбирскъ вслѣдствіе того, что по иниціативѣ мѣстнаго губернатора Еремѣева и губернскаго предводителя дворянства Теренина симбирское дворянство и земство, нуждаясь въ откры-

¹⁾ По выходѣ въ отставку въ 1908 году я поселился въ деревнѣ и только три года занималъ должность предводителя дворянства.

тии среднего учебнаго заведенія, такъ какъ существовавшая въ городѣ классическая гимназія далеко не удовлетворяла всѣхъ желающихъ, рѣшили остановиться на военной гимназіи, которая по своимъ учебнымъ программамъ имѣла типъ реальныхъ училищъ, и ходатайствовали объ открытіи въ Симбирскѣ военной гимназіи для приходящихъ, обязываясь вносить ежегодно 12.000 р. на содержаніе заведенія и 2.500 р. на первоначальное обустройство.

Не лишены интереса тѣ мотивы, по коимъ симбирское земство остановилось именно на военной гимназіи, а не на другомъ какомъ-либо заведеніи.

Въ докладѣ земскому собранію сказано между прочимъ: „Со времени преобразованія военно-учебныхъ заведеній въ основаніе ихъ положено полное отдѣленіе общаго пригготовительнаго курса отъ спеціальнаго военнаго образованія; послѣднее сосредоточено въ военныхъ училищахъ, замѣнившихъ прежніе кадетскіе корпуса. Пригготовительный курсъ проходится въ военныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Этотъ курсъ ничѣмъ не отличается отъ общаго гимназическаго курса, за исключеніемъ того, что здѣсь не преподаются классическіе языки. Права, предоставленныя военнымъ гимназіямъ—весьма обширны; воспитанники ихъ имѣютъ право поступать безъ экзаменовъ въ военныя училища и при томъ на казенное содержаніе. Но такое поступленіе не обязательно. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые не желаютъ поступать въ военную службу, могутъ по окончаніи курса избрать и другое поприще. При поступленіи въ гражданскую службу они пользуются правами 14 класса. Цѣль такого подраздѣленія военно-учебныхъ заведеній на училища и гимназіи состоитъ только въ томъ, чтобы не вынуждать воспитанниковъ посвящать себя военному образованію, если въ нихъ не оказывается склонности къ военному поприщу.

Изъ этого видно, что по своему уставу военная гимназія могла бы оказаться очень полезною для Симбирской губерніи. Опытомъ доказано, что многіе изъ молодыхъ людей оказываются неспособными къ высшему классическому образованію. Въ самой Германіи, несмотря на высокій уровень просвѣщенія, многіе поступаютъ въ реальные училища; число такихъ молодыхъ людей у насъ должно быть тѣмъ значительнѣе, что реформа въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія произведена лишь недавно и съ нею еще не успѣли освоиться. Высокія требованія на университетскихъ экзаменахъ и малое число поступающихъ въ университеты доказываютъ, что эта

реформа еще не вполне укоренилась. Для полного ея успѣха необходимо совмѣстное существованіе реальныхъ гимназій, куда могли бы поступать молодые люди, не чувствующіе призванія къ классическому образованію. Министерство народнаго просвѣщенія само это чувствовало и учредило особыя реальныя училища; но во избѣжаніе конкуренціи между этими училищами и классическими гимназіями, оно дало имъ характеръ спеціальныхъ техническихъ заведеній.

Между тѣмъ именно этотъ характеръ будетъ удалять отъ нихъ многихъ. Большая часть молодыхъ людей вовсе не желаетъ посвятить себя съ раннихъ лѣтъ какой-либо опредѣленной спеціальности и ищетъ въ школѣ только общаго образованія, съ которымъ потомъ, въ болѣе зрѣлыя годы, они могутъ свободно выбрать ту или другую спеціальность.

Этой цѣли военныя гимназіи содѣйствуютъ гораздо болѣе, чѣмъ реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія“.

Надо замѣтить, что въ составленіи этого доклада принималъ участіе профессоръ университета Ф. М. Дмитріевъ.

Директоромъ вновь открытаго заведенія былъ назначенъ инспекторъ классовъ Константиновскаго военнаго училища, полковникъ Альбедиль, благодаря неутомимой энергіи и такту коего, заведеніе, начавшееся съ 1873 г. съ 30 учен., въ 1874 г. имѣло 137, а въ 1876—198 учениковъ.

Подъ помѣщеніе гимназій городъ отдалъ верхъ дома городской управы. Помѣщеніе было очень тѣсное и во всѣхъ отношеніяхъ неудобное. Для приходящихъ учениковъ, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, былъ открытъ директоромъ при содѣйствіи земства пансіонъ. Помѣщеніе для него было нанято въ частномъ домѣ, нижній этажъ коего занималъ директоръ Альбедиль.

Въ 1875 г. Высочайше утверждено постановленіе военнаго совѣта о постройкѣ въ г. Симбирскѣ зданія для военной гимназій. Подъ постройку городъ отвелъ мѣсто, гдѣ прежде была почтовая контора, сгорѣвшая въ 1864 г., и мѣсто это, покрытое старыми обгорѣвшими постройками и развалинами, оставалось заброшеннымъ. Въ іюлѣ 1875 года было приступлено къ расчисткѣ этого мѣста. Въ сентябрѣ того же года прибылъ въ Симбирскъ военный министръ, графъ Милютинъ, онъ подробно осмотрѣлъ планъ и мѣстность предполагаемой постройки и далъ подробныя указанія инженерамъ, выразивъ, между прочимъ, непремѣнное желаніе, чтобы наружный видъ новаго зданія былъ одинаково красиво отдѣланъ какъ съ лицевой стороны, такъ и

съ внутренней, обращенной во дворъ и въ то же время къ Волгѣ.

Зданіе, прекрасно отдѣланное внутри, съ новѣйшими приспособленіями для отопленія и вентиляціи, было готово къ концу сентября 1877 года, но не было вполнѣ занято до начала курса 1878 г., и мнѣ уже пришлось принимать и населять его.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ, мнѣ прѣдстояло ознакомиться съ обществомъ, обитающимъ въ городѣ и губерніи. Главнымъ образомъ, оно состояло изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, которые имѣли преобладающее значеніе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Это было еще старое дворянское гнѣздо, доживавшее послѣдніе годы своего величія. Жили они широко, при чемъ матеріальныя средства ихъ, довольно значительныя, быстро таяли въ послѣдующіе годы. Кромѣ того, было нѣсколько семей зажиточныхъ купцовъ, сила которыхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ постепенно выростала. Я принятъ былъ вездѣ весьма радушно. Среди мѣстныхъ дворянъ былъ одинъ мой товарищъ по выпуску изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища (Бѣляковъ), очень хорошая личность, пользовавшаяся уваженіемъ общества. Онъ ознакомилъ меня съ взаимнымъ отношеніемъ членовъ мѣстнаго общества, знакомство съ коими очень помогло мнѣ потомъ при устройствѣ жизни заведенія.

Такъ какъ классическая гимназія въ городѣ въ то время не пользовалась хорошей репутаціей, то дѣти всѣхъ дворянъ и нѣкоторыхъ купцовъ поступали въ новое заведеніе, и родители ихъ оказывали этому заведенію выдающееся вниманіе.

Нѣкоторыя дамы одна передъ другой старались устраивать концерты и спектакли въ пользу братства св. Николая, цѣлью коего было оказывать помощь недостаточнымъ ученикамъ военной гимназіи и поддерживать ихъ по окончаніи курса. Когда мнѣ пришлось устраивать домашнюю церковь, то пожертвованія лились изобильно. Мѣстный губернаторъ Долгово-Сабуровъ, сынъ котораго поступилъ въ нашу гимназію, оказывалъ мнѣ всякое содѣйствіе. Это былъ человѣкъ очень умный, съ сильной и твердой волей, крѣпко державшій бразды правленія. Губернскій предводитель дворянства Теренинъ, сынъ котораго впоследствии былъ также ученикомъ нашей гимназіи, весьма благоволилъ къ намъ, вся губернская администрація относилась къ заведенію очень внимательно и доброжелательно ¹⁾.

¹⁾ Мѣстный землевладѣлецъ А. П. Языковъ пожертвовалъ богатую коллекцію минераловъ.

Впослѣдствіи, когда я набралъ воспитателей изъ гвардейскихъ полковъ, ни одно общественное собраніе и развлеченіе не обходилось безъ нашего участія. Всюду мы были желанные гости. Все это способствовало сближенію съ родителями и тому прочному положенію, которое заняло новое заведеніе, и доброй его славѣ среди общества и всего Поволжья.

Съ началомъ курса въ августѣ мѣсяцѣ предположено было открыть интернатъ въ новомъ зданіи въ количествѣ 175 чело-вѣкъ, доводя его постепенно въ послѣдующіе годы до 350.

Въ теченіе 1½ мѣсяцевъ надо было приготовить все необходимое для интерната: постели, мебель, посуду, учебныя пособия, пріискать прислугу. Въ Симбирскѣ многихъ этихъ вещей нельзя было достать. Пришлось выписывать изъ Москвы, Петербурга и Казани. Въ моемъ распоряженіи находились три воспитателя, совершенно незнакомые съ хозяйственною частью, одинъ чиновникъ, завѣдующій хозяйствомъ, и инспекторъ классовъ. Благодаря неутомимой энергіи этихъ людей, мнѣ удалось къ началу августа приготовить все необходимое для интерната, но штаты заведенія все еще не были утверждены и я не могъ приглашать новыхъ должностныхъ лицъ и даже нанимать прислугу. Пришлось нѣсколько разъ писать и телеграфировать въ Петербургъ, испрашивая необходимыхъ полномочій.

При такихъ условіяхъ начались пріемные экзамены. На казенныя вакансіи въ интернатъ былъ конкурсъ. Многія дѣти, пріѣхавшія изъ отдаленныхъ мѣстъ, остались за конкурсомъ, такъ какъ на каждую вакансію было прислано три конкуррента. Тогда всѣ мѣстные дворяне отказались отъ казенныхъ вакансій за своихъ дѣтей въ пользу пріѣхавшихъ и оставшихся за флагомъ. По окончаніи пріемнаго экзамена всѣ интерны оставались на квартирахъ у родителей и родственниковъ до утвержденія штатовъ, которые, наконецъ, были утверждены, и 16 августа я открылъ интернатъ и началъ курсъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись, какъ я сказалъ, три воспитателя, служившіе въ гимназін, когда она была заведеніемъ для приходящихъ. Они мало были знакомы съ порядками закрытыхъ учебныхъ заведеній,—а потому мнѣ и инспектору, полковнику Елчанинову, пришлось учить дѣтей и воспитателей самымъ элементарнымъ правиламъ и порядкамъ, кои въ давно существующихъ интернатахъ прививаются обыкновенно чрезъ примѣръ товарищей, по традиціямъ. Начиная съ утра, съ подъема, начиналась эта кропотливая работа, требовавшая первое время безотлучнаго пребыванія съ дѣтьми. Только вечеромъ

уложивши воспитанниковъ спать, мы возвращались домой, и на другой день съ 7 часовъ утра опять принимались устанавливать порядки и учить дѣтей, дядекъ, прислугу.

Съ чувствомъ глубокой благодарности я вспоминаю труды и помощь моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ, этихъ благородныхъ и преданныхъ своему дѣлу тружениковъ. Съ удовольствіемъ долженъ отмѣтить, что внѣшніе порядки намъ удалось установить хорошіе, и молва о нихъ скоро распространилась.

Съ утвержденіемъ штата служебный персоналъ сталъ постепенно увеличиваться. Къ сожалѣнію, вознагражденіе служащихъ было назначено не одинаковое и въ общемъ меньшее, чѣмъ въ старыхъ военныхъ гимназіяхъ. Воспитатель въ старшихъ классахъ получалъ 1.200 р. оклада, а въ младшихъ—600 р. Преподаватель старшаго класса 70 р. за годовой урокъ, а въ младшихъ приходилось не болѣе 30 р. На должности воспитателей и преподавателей были допущены лица, окончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ военнаго вѣдомства. Питомцы этого заведенія не получили широкаго образованія и были энциклопедистами по всѣмъ предметамъ въ младшихъ классахъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказались очень хорошими, усердно и толково относились къ своимъ обязанностямъ и самостоятельно пополняли недочеты въ своемъ образованіи. Были заботливы къ дѣтямъ и помогали въ учебныхъ занятіяхъ воспитанникамъ младшихъ классовъ. Таковы были—Гусевъ, Купровичъ, Малиновскій, Степановъ, Прибыловичъ и Ивановъ (последній впоследствии получилъ право на преподаваніе естественной исторіи въ старшихъ классахъ). Но большинство было ниже всякой критики и не только не вносили даже удовлетворительнаго въ педагогическую сферу, но были вредны по своему грубому, безтактному и невѣжественному отношенію къ дѣтямъ. Они не пользовались никакимъ авторитетомъ среди учениковъ. Помню, однажды я пришелъ въ заведеніе послѣ обѣда, когда ученики были свободны, и увидалъ слѣдующую картину: ученики, проникнувъ въ комнату, гдѣ стояли ружья, разобрали ихъ и съ примкнутыми штыками и громкимъ смѣхомъ гонялись за дежурнымъ воспитателемъ, который, растерянный и блѣдный, прятался отъ нихъ за скамейки и стулья. Удалить этихъ воспитателей изъ заведенія удалось только черезъ годъ.

Допущеніе въ младшихъ классахъ этихъ преподавателей и воспитателей, содержаніе коихъ обходилось очень дешево, вызвало неудовольствіе симбирскаго земства, которое вносило на содержаніе гимназіи 12.000 р.

Въ виду этого губернскае земское собраніе въ томъ же году постановило ходатайствовать чрезъ губернатора передъ Главнымъ Управленіемъ в.-у. в. объ увеличеніи размѣра суммъ, отпускаемыхъ на жалованье учителямъ и воспитателямъ младшихъ классовъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы привлечь на эти должности лицъ съ высшимъ образованіемъ. Главное управленіе отклонило ходатайство земства въ виду того, что учителей изъ числа окончившихъ курсъ въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства признано возможнымъ допустить къ преподаванію только тѣхъ предметовъ, которые они соотвѣтственно полученному образованію могутъ преподавать вполне успѣшно въ элементарномъ курсѣ. Мѣра эта, по словамъ главнаго управленія, вызванная не столько соображеніями экомомическими, сколько затрудненіемъ въ пріисканіи опытныхъ педагоговъ, въ особенности въ губернскомъ городѣ, до сего времени уже практиковалась какъ въ Симбирской военной гимназій, такъ и въ другихъ и, какъ указалъ опытъ, не представляла никакихъ затрудненій къ успѣшному веденію дѣла. Кромѣ того указывалось, что открытіе въ Симбирскѣ военной гимназій и образованіе въ ней интерната представлялось возможнымъ только при тѣхъ условіяхъ, которыя приняты при составленіи штата и табели, утвержденныхъ въ 1878 году, и къ измѣненію въ чемъ-либо этихъ условій, вызывающихъ увеличеніе отпуска суммъ, встрѣчается затрудненіе по неимѣнію источника, такъ какъ содержаніе помянутой гимназій при полномъ въ ней комплектѣ воспитанниковъ (350 интерн. и 150 экстерн.) будетъ обходиться до 128 т. р., въ счетъ которыхъ отъ симбирскаго земства поступаетъ только 12.000, составляющихъ менѣе десятой части всего расхода, остальная же сумма, требующаяся для покрытія расхода, извлекается изъ платы за своекоштныхъ, поступающихъ не только въ Симбирскую, но и другія военныя гимназій.

Земство не удовлетворилось этими мотивами отказа, и дѣло перенесено было въ комитетъ министровъ, который отклонилъ ходатайство по тѣмъ же мотивамъ, хотя военный министръ графъ Милютинъ, когда мнѣ лично пришлось говорить съ нимъ по этому дѣлу,—склонялся на удовлетвореніе ходатайства земства и приказалъ мнѣ присутствовать при пріемѣ имъ уполномоченныхъ отъ земства. При пріемѣ депутаціи я однако же не присутствовалъ, такъ какъ необходимо было спѣшить въ Симбирскъ.

Личное мое ходатайство предъ главнымъ начальникомъ Н. В. Исаковымъ также не имѣло успѣха, и только удалось

выхлопотать квартирныя деньги по 300 р. въ годъ. Приблизительно въ это же время было сдѣлано нападеніе на учителей изъ семинаріи военнаго вѣдомства со стороны издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткова, который глумливо величалъ ихъ „Яузскими студентами“ и въ рядѣ статей доказывалъ неподготовленность ихъ къ педагогической дѣятельности и видѣлъ вредное вліяніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія будущихъ военныхъ людей.

Мнѣ пришлось выступить съ протестомъ въ печати противъ такого огульнаго обвиненія и черной тѣни, проведенной силою по цѣлому учрежденію, ибо я имѣлъ образчики чрезвычайно полезныхъ людей изъ числа ихъ. Полемика моя съ Катковымъ скоро однако же окончилась, такъ какъ съ преобразованиемъ военныхъ прогимназій надобности въ учителяхъ семинаріи не представлялось, и она была закрыта.

Воспитатели старшихъ классовъ приглашены были мною, изъ военныхъ, но вообще въ числѣ воспитателей не было ни одного съ высшимъ образованіемъ. Подыскать воспитателя вполне пригоднаго для педагогической дѣятельности, вообще очень трудно, однако же, главное свойство, т.-е., любовь къ дѣтямъ, встрѣчается нерѣдко, и изъ такихъ людей вырабатываются часто очень недурные педагоги.

Составъ воспитанниковъ во вновь открытомъ интернатѣ былъ очень смѣшанный. Принимались дѣти всѣхъ сословій съ весьма разнообразнымъ домашнимъ воспитаніемъ.

1) Дѣти лицъ низшаго сословія—мелкихъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, отставныхъ солдатъ. Въ числѣ ихъ осталось много отъ прежнихъ пріемовъ, бывшихъ приходящими.

При отирытіи заведенія пріемы были очень снисходительны и по возрасту, и по познаніямъ. Въ числѣ ихъ были исключенные изъ другихъ заведеній или мало способные, не принятые въ другія заведенія—классическія гимназіи или семинаріи. Это былъ самый неудобный въ воспитательномъ отношеніи элементъ. Уходя къ своимъ родителямъ или товарищамъ-экстернамъ, они нерѣдко предавались кутежамъ, распутству; переодѣвались въ статское платье и посѣщали трактиры, питейныя и разныя увеселительныя заведенія. Родители нѣкоторыхъ занимались питейной торговлей, мелочными лавочками и проч. и весьма снисходительно смотрѣли на ихъ грѣхи. Бдительнаго надзора за ними внѣ стѣнъ заведенія не могло быть. Къ счастью, они постепенно выбывали изъ заведенія по разнымъ причинамъ, но оставляя слѣдъ своего пребыванія въ заведеніи.

2) Дѣти мѣстныхъ дворянъ и зажиточныхъ купцовъ, поступившихъ въ интернаты изъ экстерновъ. Это были большею частью избалованные домашнимъ воспитаніемъ и кичливые юноши, маменькины сынки, съ хорошими манерами, порядочной научной подготовкой, но эгоистичные и сторонившіеся отъ товарищей. Они, очень недружелюбно относившіеся къ строгимъ требованіямъ интерната, были очень грубы по отношенію къ прислугѣ. Претензіи ихъ въ разной формѣ доходили иногда до смѣшного. Они долго не могли помириться съ короткими волосами, формою казенныхъ сапогъ и брюкъ. Нѣкоторые маменьки просили, чтобы сыновей ихъ посылать въ баню по одиночкѣ, а не вмѣстѣ съ другими товарищами. При раздѣваніи нѣкоторые требовали, чтобы дядьки снимали съ нихъ сапоги. Все это мало-по-малу сбѣгло, и изъ нихъ выработывались хорошіе молодые люди.

3) Малолѣтніе, поступившіе прямо въ интернатъ со всѣхъ концовъ Имперіи, были большею частью сыновья лицъ военнаго сословія, имѣвшіе право на казеннокоштные вакансіи. Это были совершенныя дѣти, часто съ грубыми манерами, мало выдержанные, но лихіе и отважные добрые товарищи, предприимчивые и прямодушные. Они составляли преобладающій при приѣмѣ элементъ и изъ нихъ должно было постепенно образоваться ядро, которое предстояло сформировать новому учебному заведенію и которые поэтому требовали особеннаго вниманія и заботы со стороны лицъ учебно-воспитательнаго состава.

Едва наладилась жизнь въ интернатѣ, какъ обнаружились нѣкоторые серьезные недостатки въ санитарномъ отношеніи во вновь устроенномъ зданіи. У завѣдующаго хозяйствомъ Петрова, жившаго въ зданіи гимназіи, умерло въ одну недѣлю четверо дѣтей отъ дифтерита. Опасаясь, чтобы эпидемія не проникла въ помѣщеніе воспитанниковъ, мнѣ пришлось назначить особую санитарную комиссію для обсужденія въ деталяхъ мѣръ для оздоровленія зданія согласно мѣстнымъ условіямъ. Дезинфекція всего зданія, болѣе правильное размѣщеніе прислуги, вентиляція и другія мѣры были немедленно приведены въ исполненіе, но въ ноябрѣ того же года во флигелѣ, занимаемомъ чинами гимназіи, появились новые случаи заболѣванія дифтеритомъ и изъ шести заболѣвшихъ трое умерло.

Главныя причины антисанитарнаго состоянія зданія, указанные комиссіей, не могли быть устранены средствами заведенія, а именно: 1. Всѣ жидкія нечистоты не уходили въ грунтъ, какъ то предполагалось при устройствѣ колодца, и поэтому при-

ходило отливать ихъ насосами въ бочки и вывозить за городъ. При существующихъ въ городѣ средствахъ подрядчикъ на эту работу долженъ былъ по нѣскольکو разъ въ недѣлю открывать одинъ или два изъ существовавшихъ при зданіи колодцевъ и производить отливку. Не говоря о томъ, что работа эта обходилась очень дорого, зловоніе наполняло дворъ, проникало во внутренность зданія и, повторяясь очень часто, не могло не имѣть вліянія на здоровье воспитанниковъ. 2. Противъ главнаго фасада зданія на противоположной сторонѣ улицы на разстояніи не болѣе 10 сажень были расположены лачуги частныхъ владѣльцевъ и отхожія мѣста этихъ лачугъ выходили на улицу и такъ плохо содержались, что нечистоты проникали на тротуаръ. 3. Помѣщеніе для прислуги было очень тѣсно, всегда переполнено и находилось подъ спальнями воспитанниковъ.

Мною были поданы докладныя записки главному начальнику съ ходатайствомъ: 1. О прокладкѣ сточныхъ трубъ для отвода нечистотъ на мѣсто, указанное городской управой. 2. О приобрѣтеніи для гимназій участковъ земли противъ зданія. 3. Объ увеличеніи помѣщенія для прислуги и постройкѣ особаго дома для нихъ и для квартиръ служащихъ, жившихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ города. 4. Распоряженіе о приисканіи мѣста для лѣтняго помѣщенія остающихся воспитанниковъ.

Главный начальникъ воен.-уч.-зав. Н. В. Исаковъ пріѣхалъ въ Симбирскъ весною 1880 года. Онъ подробно осмотрѣлъ все зданіе, всѣ помѣщенія воспитанниковъ и прислуги, цейхгаузы, сарай, вошелъ во всѣ мелочи жизни интерната, слушалъ литургію въ гимназической церкви, остался доволенъ службой священника и пѣніемъ воспитанниковъ, но выразилъ желаніе, чтобы воспитанники не привлекались къ исполненію разныхъ обязанностей по церковной службѣ. Присутствуя при обѣдѣ воспитанниковъ, онъ остался недоволенъ чтеніемъ предобѣденной молитвы и сдѣлалъ замѣчаніе относительно употребленія ножа и вилки: „Разъ навсегда—ножъ, чтобы рѣзать, вилка—чтобы класть въ ротъ“, сказалъ онъ дѣтямъ. Зданіемъ гимназій остался доволенъ, мебель, постели и обмундировку нашелъ въ хорошемъ видѣ и благодарилъ служащихъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ интерната.

Не могу не вспомнить при этомъ о его простой, спокойной и откровенной бесѣдѣ со мной въ Карамзинскомъ скверѣ, куда мы съ нимъ пошли послѣ осмотра заведенія. Говорили о нашихъ нуждахъ. По поводу недовольства земства табелью и

штатами военной гимназіи, онъ съ нѣкоторой горечью сказалъ: „Мы увлеклись нѣсколько, допустивъ въ военныя гимназіи всѣ сословія; это слѣдуетъ поправить, что, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и послѣдуетъ“.

Тутъ же онъ рѣшилъ пріобрѣсти для военной гимназіи мѣсто противъ главнаго фасада, принадлежавшее частнымъ владѣльцамъ. Очень внимательно отнесся къ прокладкѣ сточныхъ трубъ и приказалъ инженеру въ этомъ же году начать и окончить работу, относительно дома для служащихъ и прислуги обѣщалъ исполнить мое ходатайство при первой къ тому возможности въ матеріальныхъ средствахъ, и поручилъ мнѣ подыскать въ окрестностяхъ удобное мѣсто для лѣтняго помѣщенія воспитанниковъ. Все обѣщанное Н. В. было скоро начато и исполнено частью при немъ, а частью уже при его преемникѣ. Осуществленіе всѣхъ этихъ предположеній было сопряжено съ такою массою разныхъ препятствій и неприятностей со стороны прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и учреждений, что подчасъ приходилось впадать въ уныніе и терять надежду довести дѣло до конца.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1881 года генераль-адъютантъ Исаковъ оставилъ свой постъ. Всѣ, кто служилъ во время Н. В., конечно, помнятъ его спокойную, но нѣсколько холодную и красивую фигуру; его заботливое и вдумчивое отношеніе ко всѣмъ мелочамъ жизни военно-учебныхъ заведеній, полное отсутствіе въ немъ искусственности и его нелюбовь къ внѣшнимъ проявленіямъ почтительности къ его особѣ.

Сколько помню, онъ всегда умѣлъ пріѣхать въ заведеніе неожиданно.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1880 года началась прокладка подземныхъ сточныхъ трубъ и окончена осенью. Городская управа не допускала прокладку деревянныхъ трубъ, а требовала, чтобы трубы были чугуныя. Возникло судебное дѣло, которое тянулось много лѣтъ и прекратилось само собою, когда главное управленіе отпустило деньги на замѣну проложенныхъ деревянныхъ трубъ чугуными.

Мѣсто противъ зданія гимназіи было въ томъ же году пріобрѣтено за 8.000 р. Мѣсто это привели въ порядокъ и развели на немъ садъ руками и стараніями самихъ воспитанниковъ. Къ сожалѣнію, мѣсто это нѣкогда (во времена Стеньки Разина) было занято крѣпостной стѣной и грунтъ оказался очень неблагоприятный для растительности и садъ плохо принялся.

Домъ для квартиръ служащихъ и прислуги построенъ много

лѣтъ спустя послѣ неоднократныхъ и настоятельныхъ напоминаній съ моей стороны. Дѣло съ лѣтнимъ помѣщеніемъ воспитанниковъ тянулось тоже долго, и остававшіеся на лѣто жили то въ Александровскомъ саду въ чертѣ города, то по любезному предложенію князя И. М. Оболенскаго въ его имѣніи верстахъ въ 20 отъ Симбирска, и только въ 1885 году состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ удѣльнымъ вѣдомствомъ нашей гимназіи участка земли въ количествѣ десяти десятинъ при дер. Поливной-Врагъ. Мѣстность, отведенная подъ лагери воспитанниковъ, расположена на живописномъ, крутомъ берегу Волги въ 7 верстахъ отъ города. Весною 1887 г. всѣ лагерныя постройки: четыре барака для кадетъ, столовая, службы, лазаретъ были готовы. Лѣсъ, окружающій лагерь, былъ расчищенъ и проложены дорожки. 17 мая состоялась закладка лагерной церкви въ присутствіи главнаго начальника генерала Махотина и начальствующихъ лицъ Симбирска. Пріѣхалъ архіерей, преосвященный Варсонофій, пришли изъ города воспитанники и нѣкоторые изъ родителей. Въ чудный майскій вечеръ, напитанный благоуханіемъ распустившихся деревьевъ и соловьинымъ пѣніемъ, понеслись по Волгѣ торжественные звуки церковнаго богослуженія. По окончаніи церковной закладки, преосвященный обратился къ воспитанникамъ съ такими словами: „передайте вашимъ товарищамъ, что я считаю васъ и ихъ счастливыми, потому что вы имѣете такого начальника, который ваше благополучіе созидаетъ на почвѣ религіи и благочестія. Устраивая, напр., вашу лагерную жизнь, онъ прежде всего положилъ основаніе храма, гдѣ бы вы могли молиться. Молитесь же, дѣти; молитва утѣшитъ васъ въ горѣ, съ молитвой трудъ будетъ легче и всякое доброе начинаніе—успѣшиѣ. Не научитесь молиться въ дѣтствѣ,—не научитесь и послѣ“. Когда служащіе и приглашенные гости собрались въ баракъ, имъ по русскому обычаю предложенъ былъ хлѣбъ-соль. За ужиномъ послѣ здравіи за Государя Императора и Августѣйшей Семьи, губернской предводитель дворянства князь Оболенскій обратился къ главному начальнику съ слѣдующими словами: „пользуюсь случаемъ, чтобы выразить вамъ чувства и мысли симбирскаго дворянства; чутко прислушиваясь и приглядываясь къ тому дѣлу, которое волей нашего дорогого Монарха ввѣрено вашему попеченію и руководству, самымъ дорогимъ дѣломъ для мѣстнаго дворянства было дѣло воспитанія дѣтей для службы Престолу и Отечеству. Поэтому дворяне постоянно заботились цѣлесообразнымъ воспитаніемъ дѣтей достигъ предназначенной

задачи. Если въ предшествовавшіе годы и не совсѣмъ удавалась эта задача, то мѣстное дворянство съ болью сердца не можетъ не признать, что главная причина этого была та неустойчивость и тѣ блужданія въ педагогическихъ принципахъ, какіе замѣчались въ недалекомъ прошломъ. Нельзя не признать, что эта неопредѣленность въ системѣ воспитанія могла дурно отразиться на характерѣ молодыхъ людей, а придавать имъ особенную неустойчивость и шаткость—условія весьма благоприятныя для постороннихъ вредныхъ вліяній.

„Въ настоящее время, когда періодъ колебаній прошелъ, когда во исполненіе предначертаній нашего дорогого Монарха восстановлено слово „корпусъ“, и вы, ваше превосходительство, стали стремиться, дабы слово это не осталось только словомъ, Симбирское дворянство привѣтствуетъ съ восторгомъ волю Царя и съ благодарностью тотъ трудъ, къ которому были призваны ея исполнители. И будетъ это такъ до тѣхъ поръ, пока живы дворянство и честь дворянства“.

Постройки лагеря обошлись около 30.000 р., онѣ были отдѣлены отъ крутого берега Волги узкой полосой земли, принадлежащей графинѣ Кассини. На мою просьбу уступить эту полосу корпусу за извѣстное вознагражденіе, графиня Кассини немедленно распорядилась передать ее во владѣніе корпуса безвозмездно. На этой полосѣ въ лѣсу впоследствии построено помещеніе для директора корпуса. Изъ него открывается чудный видъ на Волгу и Заволжье.

10 іюня 1887 года кадеты съ особенной торжественностью, подъ звуки военной музыки, вступили въ первый разъ въ лагерь. Во главѣ ѣхали верхами военно-начальствующія лица въ городѣ и сопровождалъ губернаторъ, начальники частей и многіе изъ родителей и жителей города.

Военныя гимназіи за два года передъ этимъ были переименованы въ кадетскіе корпуса, и 1-я строевая рота въ составѣ VI и VII классовъ должна была провести до 6 недѣль въ лагерь. Время это полагалось посвящать военно-подготовительнымъ занятіямъ. Съ этой цѣлью ежедневно производилось фронтовое ученіе, гимнастика, стрѣльба дробинками въ цѣль. Предпринимались военныя прогулки, на которыя иногда отправлялись по тревогѣ. Кромѣ того, кадеты занимались съемкой окружающей мѣстности; какъ развлеченіе, устраивались прогулки на лодкахъ по Волгѣ, иногда съ ночевкой на берегу. Кадеты ловили рыбу и варили себѣ уху. Въ этихъ прогулкахъ принимали иногда участіе и семьи служащихъ. Два раза въ

въ недѣлю игралъ кадетскій оркестръ. Каждый день кадеты купались въ Волгѣ и послѣ ужина собирались надъ обрывомъ берега, разводили костры и пѣли пѣсни. Несмотря на нѣкоторыя неудобства лагерной жизни (главное мириады мошекъ и комаровъ) и трудовую жизнь, такъ какъ весь день былъ занятъ обязательными работами, воспитанники съ удовольствіемъ шли въ лагерь, и, по ихъ словамъ, это была своего рода поэзія, послѣ прозы цѣлаго года. Для характеристики отношенія кадетъ къ лагерной жизни, привожу два стихотворенія, написанныя—одно кадетомъ Сахновскимъ, фамилію другого не помню:

НОЧЬ ВЪ ПОЛИВНѢ.

Тихо спустилася ночь надъ Поливной,
Лагерь кадетскій окутался мглой;
Громко доносится трель соловьиная,
Свѣтится гдѣ-то огонь за рѣвкой.
Тишь и безмолвье... Листъ не шевелится,
Тѣни сползаютъ съ горы,
Только на западѣ слабо алѣветъ
Отблескъ вечерней зари.
Лентой широкой внизу разстилается
Матушка Волга рѣвка,
Легкимъ туманомъ она одѣвается,
Мутныя волны катя.
Ночь ароматная, ночь безмятежная,
Долго ль мнѣ любоваться тобой?
Можетъ быть, скоро судьба неизбежная,
Дастъ насладиться мнѣ ночью родной.
Вспомню тогда я и склоны лѣсистые,
Вспомню и лагерь кадетъ,
И издалека, вамъ, рощи тѣнистыя,
Сердцемъ пошлю свой привѣтъ.

ПѢСНЬ I-Й РОТЫ СИМБИРСКАГО КОРПУСА.

Запоемте дружно пѣсню кадетъ
И двинемся дружно впередъ.
Такъ скучный мы день сократимъ незамѣтно.
Тотъ веселъ, кто пѣсню поетъ.

Какъ славно живется, когда въ лагеряхъ
Мы лѣто проводимъ надъ Волгой.

Ученья бывають въ поляхъ и лѣсахъ,
Иной разъ насъ будять тревогой.

Хоть жарко бываетъ на съемки идти,
И мошки кусають насъ знойной порою,
За то вѣдь зимой мы сидимъ взаперти,
И развѣ боимся мы зною...

Привольно, прохладно въ баракахъ у насъ,
Хоть дождикъ порою и мочить;

Но тотъ и не будетъ солдатомъ изъ насъ,
Кто всюду удобства лишь ищетъ.

Вечерней порою лишь зорю пробьютъ,
Кадеты въ кустахъ соберутся;

Костры зажигаютъ, и весело тутъ
Ихъ звонкія пѣсни несутся.

Бодрѣ же, братцы, намъ надо идти...

Съ 1896 года обязательное пребываніе въ лагерѣ двухъ старшихъ классовъ, для военныхъ приготовленій, прекратилось. Нашли, что это лишнее и что полезнѣе, если юноши будутъ проводить лѣто на свободѣ среди своихъ родныхъ или знакомыхъ. Съ этого времени жизнь въ лагерѣ совершенно измѣнила свой характеръ, и прежнее оживленіе отошло въ преданіе. Надо думать, что главной причиной отмѣны были экономическія соображенія, такъ какъ содержаніе въ лагерѣ обходилось не дешево. Я убѣжденъ однако же, что для значительнаго большинства юношей трудовая жизнь въ совокупности съ серьезными экскурсіями, какія иногда предпринимались съ научною цѣлью, была полезнѣе часто безпорядочной и праздною жизни дома. Многіе являлись изъ отпуска съ разными болѣзнями тѣлесными и душевными, да кромѣ того пребываніе въ лагерѣ въ продолженіе 6 недѣль не лишало возможности провести остальную часть лѣта дома.

Н. А. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

